

ЛАФАНИ & РЕНО

ОБРАТНЫЙ

ОТЧЕТ



В ЭТОЙ ИГРЕ ПРОИГРАВШИЙ
УМИРАЕТ — И ТОЛЬКО ОТ ТЕБЯ
ЗАВИСИТ, КТО СЛЕДУЮЩИЙ —

AMAZON.COM

Флориан Лафани
Обратный отсчет

«Центрполиграф»

2014

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)

Лафани Ф.

Обратный отсчет / Ф. Лафани — «Центрполиграф», 2014

ISBN 978-5-227-07631-1

Профессор Колин Стирл, англичанин, работающий в Токио, обвинен в убийстве своей студентки. Спустя некоторое время неизвестный захватывает заложников. Он не выдвигает каких-либо требований и не идет на контакт с полицией. Используя социальные сети, преступник предлагает публике сыграть в зловещую игру – проголосовать в Интернете за одного из заложников. Причем набравшего минимум голосов ждет смерть. Полиция и спецслужбы не верят в серьезность намерений преступника. Однако, когда появляется первый труп, им приходится признать, что это не игра и не глупая шутка. Неожиданным образом два этих дела оказываются связанными между собой... Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-227-07631-1

© Лафани Ф., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ф. Лафани, Г. Рено

Обратный отсчет

Florian Lafani
Gautier Renault
TROUBLE[S]

© Librairie Generale Francaise / Editions de l' Epee, 2014
© Перевод и издание на русском языке «Центрполиграф», 2017
© Художественное оформление «Центрполиграф», 2017

Пролог

Лондон, Хаммерсмит. Дождливая апрельская ночь.

Альбан, высокий, стройный. Черные джинсы.

Без зонта

Альбан бежал под проливным дождем, огибая лишь самые глубокие лужи и даже не пытаясь укрыться от струй воды. Минут через десять он остановился под козырьком подъезда. Шел второй час ночи. Метро было закрыто. Ветер гнул кроны деревьев в Равенскорт-парке.

Альбан осмотрел свою мокрую одежду. Капли дождя стекали с его светлых волос на лицо, отчего казалось, что он плачет. В кармане завибрировал телефон. Он вытер правую руку о живот, достал мобильный и, увидев высветившееся на экране имя звонившего, ответил на вызов:

– Тут настоящий потоп. Я буду на месте через пятнадцать минут. Можете начинать съемку кино, всё готово.

Голос звучал решительно, несмотря на то что после этой ночи уже ничего не будет так, как было прежде. Поздно задавать вопросы, разве что самому себе.

Его грудь высоко вздымалась. Он никак не мог восстановить нормальный ритм дыхания. И причиной тому было не проделанное им физическое усилие, а нехорошее предчувствие. Прежде чем возобновить пробежку, Альбан извлек из телефона батарейку и сим-карту, которую несколько секунд вертел в пальцах, а затем бросил в прорезь водостока, чтобы лишить себя возможности дать задний ход.

Глава 1

Япония, скала Тодзимбо. Мартовская ночь.

Ветер с моря.

Колин, 36 лет, 1 м 82 см. Черная замшевая куртка. Короткая стрижка

Колин пришел на скалу самоубийц с намерением прыгнуть вниз. Бушевавшая вокруг стихия – порывы ветра и проливной дождь – не могли его остановить. С комом в горле, чувствуя дыхание смерти, с искаженным от боли лицом, Колин смотрел в даль. Перед глазами у него мелькали тени, на которые он не обращал внимания. После долгих дней страданий он был совершенно измучен, оказался на краю земли на пределе сил.

Всего месяц назад он читал лекции в Институте общественных наук в Токио, где жил уже восемь лет. Азия притягивала его, лондонца по рождению, потому что радикально отличалась от Европы. Он хотел изучить новую для него цивилизацию. На тот момент, когда он сходил с самолета, его представления о Японии ограничивались тремя «С»: суши, сумо, самураи. Ни одно из этих понятий ему не пригодились, иероглифическое письмо оставалось непонятным. Поскольку английский язык очень мало используется японцами, ему пришлось объясняться знаками, прежде чем он освоил японский, что облегчалось доброжелательным отношением окружающих. Несмотря на лихорадочный ритм, в котором Токио живет круглые сутки, японцы остаются вежливыми людьми. Его сразу покорила их культура. А однажды на ужине он встретил свою будущую жену. И мало-помалу стал привыкать к новой жизни.

Но из-за его ошибки обычная жизнь уважаемого университетского профессора, которую он вел, превратилась в муку. Все началось с настойчивых взглядов одной студентки. С этим рано или поздно сталкивается каждый преподаватель. Смесь желания и восхищения в ее глазах. Обычно Колин отвергал подобные авансы, скрывая в душе тщеславное чувство, вызванное проявленным к нему интересом. Но не в этот раз. Без видимой причины, сам не понимая, как это произошло, он вдруг обнаружил, что его принципы куда-то подевались, и согласился на ужин с ней. Потом был поцелуй. И в один момент он перешел все границы, даже забыл, что у него есть жена.

В ту ночь его жизнь перевернулась. Вернувшись домой далеко за полночь, Колин постарался открыть входную дверь бесшумно, но петли, по закону подлости, скрипнули. Он в бессилии замер в гостиной. Вдали с равными интервалами рычали моторы автомобилей. Он разулся и почувствовал холод плитки на полу. Прислонившись спиной к двери спальни, он всматривался в тусклую темноту.

Колин вздрогнул, почувствовав, что его головы коснулась рука Юкио. Он не слышал, как она подошла. «What happens to you, honey?»¹ – прошептала она, в ее голосе угадывалось понимание. Колин говорил по-японски, но языком их общения наедине, их интимных игр, был английский. Увидев слезы в глазах Колина, она замолчала и села рядом с ним. Возможно, она уже знала, что произошло. Чувство вины делало его параноиком, его, считавшего себя неспособным утаить от нее даже какую-нибудь мелочь. Колин положил голову на колени жены. Он почувствовал запах ее тела и припал губами к ее животу, прикрытому ночной рубашкой. Она погладила его волосы, потом взяла за руку, отвела в спальню и заснула в его объятиях, как бывало почти каждую ночь.

¹ Что с тобой, дорогой? (англ.)

Утреннее прощание прошло молча. Перед тем как пойти на работу, Колин на мгновение замешкался, прежде чем поцеловать Юкио в лоб, – обычное действие, которое отныне составляло часть его лжи.

Придя в университет, Колин встретил секретаря его факультета – сурового вида женщину, которая с упреком сообщила ему, что его разыскивают полицейские, они хотят с ним поговорить и ждут его в кабинете президента университета. Его снова охватило неприятное тревожное чувство, связанное с воспоминаниями о прошлой ночи, но это было нелепо. Супружеская измена не делала его преступником.

Колин вошел в комнату. Трое полицейских в форме и один в штатском обернулись и мрачно посмотрели на него. Ему показалось, что даже персонажи двух картин, висевших над дубовым столом, смотрят на него обвиняюще. Мужчина в штатском назвался комиссаром Мацухитой и без околичностей объявил, что сегодня рано утром была убита его студентка Асами Миюзу. Колин никак не отреагировал, ожидая следующей фразы. Его руки висели вдоль туловища, дыхание стало прерывистым. Асами... Убита... Он вдруг понял, что его интимная связь с ней станет центральной темой разговоров. Внутренний голос молил повернуть время вспять. Он был так сосредоточен на мысли, что следующий вопрос донесся до его слуха словно издалека. Он попросил повторить, что комиссар с неохотой сделал:

– Где вы были прошлой ночью, мистер Стирл?

И тут в памяти Колина всплыли все последние часы: ужин, поцелуй, его жена. Не было ли лучшим выходом снять с себя подозрения и во всем признаться? Он растерянно поглядел по сторонам, ища помощи. Комиссар начинал терять терпение, но Колин, совершенно выбитый из колеи, был не в силах ответить. Молчание сыграло против него, и по пути к полицейской машине ему пришлось встретить обвиняющие взгляды преподавателей и студентов. Его бесцеремонно заставили нагнуться, чтобы посадить на заднее сиденье автомобиля. Он бросил последний взгляд на красное кирпичное здание университета. Бой курантов, прозвонивших одиннадцать часов, показался ему погребальным звоном.

Пока они ехали, комиссар связался по рации с управлением и велел приготовить комнату для допроса, а Колин тем временем смотрел в окно, не узнавая того яркого и оживленного города, который его привлек. Он видел только толпу, суету, бетон, забытые в Мэйдзи-Шрин-Гарден гинкго – деревья, чьи высота и красота уравнивали лихорадочный ритм жизни японской столицы. Все это снова казалось ему чужим. *В конце концов, я здесь всего лишь иностранец.*

Дальше начался кошмар. На допросе Колин признал связь с Асами, но отрицал, что убил ее. Ему было трудно сдерживаться, он был возмущен тем, что его решили сделать козлом отпущения, поскольку он оказался идеальным подозреваемым. Конечно: профессор соблазнил и убил одну из своих студенток; газеты и широкая общественность будут довольны.

Подавленный целым потоком вопросов, затрагивавших самые интимные моменты его жизни, он в конце концов произнес единственную фразу, которая снимала с него все подозрения, но которую ему было невыносимо трудно выдать из себя:

– Моя жена подтвердит вам, что я был дома в два сорок пять.

– Мы ее вызовем и допросим. Вы давно женаты?

– Пять лет.

– Вы родились в Харрогейте, в Англии. Почему вы переехали в Японию?

Колин мало рассказывал о своем прошлом даже друзьям. Он не считал это интересным и предпочитал сосредоточиться на той жизни, которую выстраивал в Японии.

– Не вижу, какая связь...

– Я повторяю свой вопрос.

Ответ на этот вопрос повлек бы за собой множество новых.

– Потому что мне больше нечего было делать в Англии.

Комиссар молча смотрел на него, не выдавая своих эмоций.

– Мистер Стирл, я запросил сведения о вас у моих английских коллег. Не сомневаюсь, что они смогут мне ответить менее загадочным образом, чем вы.

Колин вздрогнул, как будто под порывом холодного ветра. Прежде чем стать профессором, он служил в армии. Его отец был военным и потребовал, чтобы он не уклонялся от воинской службы, а пошел, когда ему исполнится 18 лет, в армию. Это было во время войны в Югославии. Тогда как раз требовались люди в контингент войск ООН. Он вступил в их ряды и вернулся домой с кошмарными воспоминаниями о смертях, шальных пулях, криках и столах. Несмотря на полученную награду за храбрость, он отказался от дальнейшей службы в армии и, несмотря на энергичные протесты отца, поступил в университет, надеясь, что с помощью книг он вернется к нормальной жизни.

С самого начала допроса в полицейском управлении Колин постоянно думал о Юкио, о том зле, что он ей причинил. Он даже не спросил о подробностях смерти Асами, пытаясь своим молчанием отстраниться от убийства. Но как ее могли убить? И почему именно в этот момент?

После допроса Колина отвели в застекленный зал. Хорошо еще, что не в камеру, эту прихожую позора. В начале второй половины дня он услышал шаги и узнал походку жены. Юкио обернулась и с презрением посмотрела на него. Он выдержал ее взгляд, пораженный заключенной в нем силе. Он ожидал увидеть гнев, но ее глаза выражали нечто другое.

Юкио пожала руку комиссару и села за стол. Разговор между ней и полицейским продолжался четверть часа. Колин не мог ни слышать, ни догадаться, о чем они говорят. Ожидание усиливало его тревогу, которую он скрывал, потому что не позволял себе проявлять свои чувства.

Когда Юкио вышла, не взглянув на него, комиссар вошел в зал. Вид у него был серьезный.

– Мистер Стирл, ваша жена утверждает, что ночью вы домой не возвращались. Поскольку вы не имеете алиби, становитесь подозреваемым в убийстве Асами Миюзу.

Скала Тодзимбо.

Ощущение уже виденного. Душевная рана

На краю скалы завывал ветер, волны с ревом разбивались о камни и вихрями поднимались вверх. Колин сидел как оглушенный, заново прокручивая в памяти слова комиссара. В тот момент он даже не попытался защититься, оправдаться, настолько сильной была нанесенная ему душевная рана. Почему Юкио солгала? Из гордости? Из мести? Неужели она способна бросить его вот так, вдруг, без единого слова? Через несколько часов он заявил, что ему нечего скрывать, и откровенно ответил на все вопросы. Это было проявление гордыни человеком, знавшим до этого момента лишь хорошие стороны системы. Но первые дни в тюрьме, пусть даже предварительного заключения, стали для него крестной мукой. Камеры были старыми, стены облезлыми, с пятнами плесени, воздух влажным и холодным, пол жестким и неровным. Его много раз обыскивали, заставляя раздеваться догола, что еще больше усиливало его чувство унижения.

Пока он трясся от холода в полумраке тюремной камеры, единственные картинки, всплывавшие в его памяти, были образы его жены. Несмотря на ложь Юкио и ее предательство, он не забыл счастливых моментов пяти лет их совместной жизни. В глубине души он понимал ее желание наказать его, но цеплялся за надежду, что Юкио поймет, что не сможет продолжать лгать на суде. Ведь ему грозило многолетнее тюремное заключение. Могли ли его осудить на основании одного лишь заявления Юкио? Он надеялся, что им понадобятся другие доказательства, поскольку отсутствие алиби не означает, что преступление совершено им. Он доверял японской судебной системе и хотел верить в ее беспристрастность. Прямой контакт со служите-

лями этой системы оставил у него горький привкус, ощущение обмана, потерю иллюзий. Полицейские с ним не церемонились, заботясь больше о том, чтобы выбить его из колеи, нежели об установлении истины, что демонстрировали первые же вопросы, заданные ему в кабинете президента университета. Колин стал жертвой того, чему много лет учил: хоне и татемаэ – личного мнения индивида и общественных обязанностей, чести и сокрытия правды. Полиция старалась закрывать дела как можно скорее, чтобы все продолжали верить, что она успешно исполняет свои функции по обеспечению правопорядка. Опасность юридической ошибки в ее глазах значила гораздо меньше, чем гордость, которую она испытывала, показывая, что она очищает общество от всякой скверны.

Первое заседание суда стало катастрофой. Перед судьей Юкио, державшаяся с большим достоинством, немного осунувшаяся, взволнованным голосом повторила свои прежние показания: «В ту ночь мой муж не ночевал дома. Я не знаю, где он был. Он мне сказал, что в университете будет важное собрание. Такое случается время от времени, и у меня не было никаких оснований не верить ему. Но я не привыкла спать без него, поэтому я несколько раз за ночь вставала, однако он отсутствовал». Она сделала небольшое ударение на последнем слове, как будто отсутствие дома было равнозначно его вине. По переполненному залу суда пробежал ропот. Разве мог неверный муж не быть убийцей?

Колину следовало опровергнуть слова Юкио, кричать о своей невинности, но заявить перед столькими людьми, что его жена лжет, выступить против нее оказалась выше его сил.

Колин наконец осознал, что доказать свою невинность, просто рассказав, как все было, он не сможет; суды – это место, где существует свой порядок, свой особенный язык, и он должен найти помощника, который этот язык расшифрует и избавит его от роли жертвы. Он должен бороться, и прежде всего – нанять адвоката, чтобы не встретить свой тридцать пятый день рождения в тюрьме.

Что Колин и сделал. Немалое профессорское жалование позволило ему нанять настоящего специалиста по уголовным делам. Всегда одетый с иголки, мэтр Накамура каждое утро приходил с «дипломатом», чтобы обсудить стратегию защиты, соответствующую правилам и обычаям японской системы правосудия. У Колина было ощущение, что мэтр Накамура так и не поверил в его невинность. Они не испытывали никакого взаимного доверия; между ними были чисто деловые отношения, основанные на крупных гонорарах, выплачиваемых клиентом своему защитнику.

Они договорились, что в суде Колин будет молчать, предоставив выступать адвокату, тот должен подчеркивать, что его клиент очень сожалеет о своей неверности, но никоим образом не причастен к убийству. Сидя рядом с защитником, Колин смотрел в пустоту, слушал мало, поворачивал голову, чтобы тут же быстро опустить глаза. У него было ощущение, что он попал в какую-то инсценировку, служащую не для установления истины, а исключительно для успокоения толпы. Дело не занимало первых полос в газетах, но СМИ все-таки интересовались этим эпизодом криминальной хроники, ведь речь шла не только об убийстве, но и о супружеской измене. Общественное мнение заранее объявило подсудимого виновным, и противоречить ему было трудно, так что судье пришлось выставить публику из зала, когда адвокат Колина попросил отпустить его подзащитного по причине его невинности. Это вызвало приступ ярости у зрителей, раздались крики, нетерпимые в суде ни одной страны: «Преступник! Убийца! Никакой пощады!»

В конце процесса судье ничего не оставалось, как объявить о прекращении дела и освободить Колина за недостатком улик. Оправданный, но с погубленной репутацией, он остался в глазах всех виновным. Колин попытался не обращать внимания и вернуться к нормальной жизни. Безуспешно.

Его лишили права преподавания под предлогом того, что университетскими правилами запрещены интимные связи между профессорами и студентами. Буквально в одночасье он пре-

вратился в отверженного. У него не было друзей вне его профессии, не было никого, кто бы выслушал его, кто продолжал бы относиться к нему, как прежде. Ощущение того, что он здесь чужой, исчезнувшее много лет назад, стало теперь доминирующим.

Адвокат, пока все не успокоится, снял ему маленькую комнату и передал ключи и шифр от камеры хранения на складе в мрачном предместье Токио, где хранились его вещи. Никакой коробки, все свалено прямо на пол: одежда, книги, посуда – вещи, на которых лежала печать измены. Это уже была не жизнь, а ее разрозненные обломки.

У него возникло искушение взять билет на самолет куда угодно и улететь далеко-далеко, но не хватило смелости начать жизнь с нуля.

Чтобы восстановить свою честь, Колин решил не опускать руки и попытаться выяснить, что же на самом деле произошло в ту ночь. Он вознамерился провести собственное расследование, пройти по своим следам и найти то, что полиция, возможно, упустила из виду.

Ресторан «Каикайя». Широкая застекленная витрина. Темно-красная вывеска. Позолоченные фонари

Вечером перед убийством Асами они ужинали в ресторане рядом с Шибуйей. Полицейские реконструировали времяпрепровождение и маршрут Колина. Они просмотрели записи камер видеонаблюдения на улицах вплоть до ресторана, где он встретился со своей студенткой, а затем и записи с камер наблюдения в самом ресторане. У Колина сложилось ощущение, что эта работа была проделана халтурно, наспех. Во всяком случае, видеозаписи к делу приложены не были. Его адвокат не стал настаивать на предоставлении ему копий. Колин хотел начать свое расследование с этого момента. Подойдя к ресторану, он мысленно спросил себя, какой предлог придумать, чтобы получить доступ к видеозаписям. Ресторан закрывался, зал был пуст. С нескольких столиков еще не убрали посуду.

– Здравствуйте, я бы хотел узнать, оборудован ли ваш ресторан системой видеонаблюдения, – начал Колин.

– Да, я ею очень доволен и менять не хочу, – ответил хозяин, сразу уходя в глухую оборону.

– Конечно, я понимаю. Но я не коммивояжер. Я ничего не хочу вам продавать. Дело в том, что два месяца назад я ужинал у вас вместе с моей невестой. Я собираюсь сделать ей сюрприз, но для этого мне совершенно необходимо точно знать, как она была одета в тот вечер. Вам это может показаться странным, но для меня это очень важно.

– Вообще-то система видеонаблюдения создается не для этого... – начал хозяин, несколько удивленный.

Он помолчал несколько секунд.

– ...но для влюбленных я могу сделать исключение, – договорил он с улыбкой. – Следуйте за мной.

Он отвел гостя на второй этаж, в комнату, где размещалось различное оборудование, и быстро объяснил Колину, как найти нужную ему запись по дате, а затем по часу, после чего оставил его разбираться самостоятельно.

Через несколько минут Колин нашел соответствующую папку и запустил видео. Он очень четко увидел себя, входящего в ресторан вместе с Асами. Он стал внимательно рассматривать других посетителей, сидевших вокруг их стола. Одни уходили, другие приходили, туда-сюда сновали официанты.

И вдруг взгляд Колина остановился на одной детали – на светящейся точке в правом нижнем углу экрана.

– Вот оно, – лихорадочно бросил он, указывая на силуэт позади них.

Колин обратил внимание на этот отблеск, очень необычный, потому что отбрасывал его камень с дефектом. Кольцо Юкио! Его жена сидела позади них! Он не различал никаких других примет ее облика, но это могла быть только она. Как она узнала про это свидание?

Колин вышел из ресторана потрясенный, отгоняя созревшую в нем мысль. Хотел ли он узнать больше? Он боялся, что полная правда окажется еще более мрачной. Случайность исключалась, а значит, убийство Асами внезапно приобретало окраску преступления на почве ревности. Юкио отомстила за измену способом, который выходил за рамки его понимания.

Решится ли он добавить к публичному позору образ доведенного до крайности человека, который пытается переложить собственную вину на жену? Нет, история закончится на этом.

Скала Тодзимбо. На краю пропасти.

Сжав кулаки

Каждое воспоминание приближало Колина к пропасти, к морю. Сантиметр за сантиметром он приближался к моменту, когда рухнет или не раздумывая прыгнет вниз, рассчитывая на отчаяние, как на детонатор. В это мгновение он вспомнил фигурки, выпрыгивавшие из объятых пламенем башен Всемирного торгового центра, людей, оказавшихся перед таким выбором, когда прыжок, неминуемо ведущий к смерти, казался им менее страшным вариантом.

В глубине души он смутно надеялся на то, что скала спасет его, вспоминал об ангеле-хранителе, который бродит по округе, пытаясь убедить самоубийц остаться жить. Это был полицейский в отставке, который неустанно патрулировал несколько километров побережья, чтобы отговаривать людей, пришедших свести счеты с жизнью, от рокового шага, который даже добился установки кабины телефона-автомата для тех, кто захотел бы позвать на помощь.

Колин нагнулся, и порыв ветра, принесенный волнами, едва не сбил его с ног. Он остановился перевести дух, потому что ему не хватало воздуха, как на большой высоте. Что он услышал: плеск воды или крики? Несколько секунд в нем боролись страх и чувство чести. Наконец определился бесспорный победитель. Колин прыгнул, закрыв глаза, чувствуя, как бешено, едва не разрываясь, бьется его сердце. Он ощущал приближение неотвратимого, приближение конца. На сей раз ангел-хранитель ничего не смог сделать.

Лондон, несколько дней спустя, агентство

«Арландко». Опенспейс, компьютер задней стенкой к стеклянной перегородке.

Том, 29 лет, комьюнити-менеджер. Очки, брюки и пиджак от разных костюмов

В просторном опенспейсе Том пока что был один. Он взял себе за привычку, избегая часа пик в лондонском метро, приезжать в агентство первым, благодаря чему имел спокойный час перед лихорадочным рабочим днем. Хотя напряженный ритм Лондона его не раздражал, он все-таки хотел бы вернуться к спокойной жизни в Степлфорде, близ Ноттингема. Родители мечтали, чтобы он стал профессором, но Том, блестяще отучившись два курса на факультете истории искусств, проявил больше склонности к коммерции и ушел в сферу новых технологий. Ему нравилась возможность работать в секторе, переживающем бурный расцвет. Его рабочей площадкой стал Интернет.

Личная почта, информационные сайты, спортивный онлайн-тотализатор, реклама турпоездок – вот что было на его компьютере с самого утра. Он любил эти минуты, когда не надо было опасаться, что начальство увидит, что высвечивается у него на экране. Уборщица, с которой он всегда обменивался улыбкой, заканчивала свою работу. Приходили первые коллеги, почти сразу же начинались вопросы на служебные темы, и ему приходилось совершать усилие, чтобы вернуться в реальный мир.

– Ты не забыл? В девять тридцать встреча с новым клиентом, – бросил его начальник, даже не поздоровавшись.

Том не забыл. Он открыл на экране документ в Пауэрпоэнт рядом со своими персональными окнами: «Фейсбук», «Твиттер», несколько сравнительных таблиц по ценам, сайт «Дейли сан». Вообще-то все эти сайты он использовал также и по работе, заключавшейся в управлении новыми средствами коммуникации. Фирма «Артандко» была одновременно компанией – производителем графических программных продуктов и веб-агентством, занимающимся созданием, поддержкой и продвижением сайтов, а также защитой личных данных клиента в Интернете. Именно второй аспект деятельности давал за последние два года максимум прибыли. Теперь художественных редакторов в компании было меньше, чем веб-аналитиков.

Том доделывал документ, над которым работал еще вчера. На встрече, которая будет проходить под руководством босса, он произнесет пару слов в качестве специалиста. Чтобы оправдать смету, он предлагал клиенту базовый пакет: защиту от выхода под его именем на интернет-сайты, закрытие сайта для рекламных окон и невозможность на основе анализа личных данных и покупательного поведения клиента в Сети присылать ему спам и рекламные рассылки. Сейчас достаточно один раз купить мужские часы, чтобы затем получить кучу предложений по приобретению других аксессуаров той же марки.

– Том, пошли, – позвал его коллега.

Он отсоединил ноутбук от базы и, неся его, словно официант поднос, направился в переговорную. На первых встречах с клиентами он обычно слушал вполуха. Основную часть времени занимало представление агентства. Бывало, что его вообще ни о чем не спрашивали, даже не просили изложить его веб-план. После обычных приветствий он сел, но не напротив клиента, а немного в стороне, и положил рядом с собой телефон, отключив на нем звуковой сигнал звонка.

Его босс начал обычный рассказ о фирме и ее возможностях, а Том открыл на своем айфоне «Фейсбук». Прокрутил новости и остановился, заинтригованный статусом Эразма, одного из своих друзей. Они управляли своими страницами совершенно по-разному. Том давно уже прекратил гонку за наращивание количества добавленных в друзья, потому что не желал получать новости от людей, которые ему абсолютно неинтересны. Эразм же, напротив, имел более двух с половиной тысяч друзей. Частично это объяснялось его частыми поездками по всему миру; контакты в «Фейсбуке» позволяли ему найти крышу над головой даже в самом удаленном уголке планеты, в городах с совершенно непроизносимыми названиями вроде Ризаральда в Колумбии или Челябинска в России.

Они познакомились в Перудже, в Италии, где два молодых британца находились по студенческому обмену. Том сразу проникся симпатией к Эразму, получившему свое прозвище, ставшее практически его вторым именем, после сопровождавшей его обильными возлияниями вечеринки. После они вместе объехали несколько европейских стран и сдружились еще больше, но потом Том решил сменить учебу и путешествия на более упорядоченную жизнь.

Эразм: «На помощь!»

Статус высветился на экране телефона. Том улыбнулся, лайкнул и отправил комментарий.

Том Л.: «Ты небось в Лондоне; отвык жить взаперти в крупном современном городе;»».

Он закрыл приложение как раз вовремя, чтобы взять слово.

– Мы располагаем всеми средствами не только для того, чтобы обеспечить вам видимое присутствие в вебе, но также способны обеспечить эффективное продвижение в Сети. Все имеющиеся в нашем распоряжении рычаги будут задействованы для достижения поставленных вами целей.

Разговор шел по накатанной колее, Том и не ждал конкретных вопросов, которые обычно затрагивались на последующих встречах.

Сразу после окончания беседы с клиентом он снова заглянул в свой телефон. Красный индикатор «Фейсбука» показывал пятнадцать сообщений. Но тут клиент начал задавать вопросы, стремясь побольше узнать о возможностях фирмы. Том отвечал автоматически, часть его мозга уже была занята этими тревожными сигналами. Всякий раз, когда он видел краем глаза, что появляются новые комментарии, он ощущал внутреннее возбуждение.

Вернувшись за свой стол, он, отложив на потом обещанные клиенту дополнительные сведения, поспешил войти в «Фейсбук». Все комментарии крутились вокруг статуса Эразма. Друзья поддержали ироничный тон, заданный Томом. Некоторые, хотя и не были знакомы друг с другом, обсуждали его и в этом обсуждении ушли далеко от изначального «На помощь!». В этой доверительной «дружеской» атмосфере Том позволил себе вернуться к теме:

«Мое мнение: он просто хочет знать, на кого из друзей может рассчитывать, когда позовет на помощь. Думаю, мы успешно сдали тест!»

Час спустя, когда он работал над медиапланом для сайта недорогих электронных книг, Том с улыбкой отметил, что Эразм снова изменил статус.

Эразм: «На помощь! Подружитесь с Альбаном М.».

Еще одна заявка. Когда они исходят от друга, к ним непременно относятся внимательнее, даже если на «Фейсбуке» можно утонуть в заявках разного рода. Иногда бывает, что «друзья» по взаимному соглашению записывают кого-то в ту или иную группу, чтобы послать ему приглашение на игру, и т. д. Том всегда веселился, видя, что первым отвечает на подобные запросы, хотя прекрасно знаком с механикой этого дела: он целыми днями играл на этом, продвигая товары и услуги. Увидев новый статус, Том без лишних рассуждений кликнул на «Альбан М.», потом на «Добавить в друзья» и дал подтверждение. В следующую четверть часа он постоянно заглядывал в свой профиль, проверяя, принята ли его просьба.

«Том теперь друг с Альбаном М.».

Он кликнул, чтобы получить доступ к профилю неизвестного Альбана М. Ни фото, ни какой бы то ни было конкретной информации, только видео, выложенное тридцать минут назад, и загадочный статус.

Альбан М.: «Альбан М. умеет быть в сумерках и на рассвете разговоров одновременно...»

Когда видео началось, предвкушение веселой шутки уступило место смутной тревоге. Том проверил наушники – они работали нормально, однако видеоролик не имел звука. Человек, снимавший сцену, совершал обход погруженной в темноту комнаты, напоминающей гостиную. Темная и нечеткая картинка позволяла увидеть какие-то растения и картину на стене. Камера опустилась и выхватила шесть человек, стоящих на коленях на полу со связанными за спиной руками. Она задержалась на каждом. У всех головы были опущены, словно они совершали покаянную молитву. Через сорок пять секунд просмотра видео Том содрогнулся. Его страх нашел ответ. Ему, несколько часов назад смеявшемуся над этим нелепым призывом о помощи, стало стыдно и страшно. Среди пленных неподвижно сидел Эразм.

Глава 2

Лондон, агентство «Артандко».

Биг-Бен бьет 11.30.

Друзья Альбана М. на «Фейсбуке»: 850

Видео непрерывно крутилось на экране монитора Тома. Молодой человек нервно тербил мышку, не в силах избавиться от неприятного чувства, возникавшего от вида этих расплывчатых кадров. Мизансцена была удачной: нехватка света, отсутствие звука, силуэты стоящих на коленях людей, отрешенное лицо Эразма... Его появление в кадре потрясло Тома, несмотря на то что он отказывался верить в серьезность происходящего. Все сообщество друзей Эразма на «Фейсбуке» непрерывно обменивалось комментариями, пытаясь понять. Наиболее спокойные считали ролик шуткой, самые встревоженные позвонили в полицию.

Том в силу профессиональной деформации сознания искал признаки скрытой рекламы. Его друг никогда не любил подобные штуки, и он искренне сомневался в том, что тот мог принять участие в рекламной акции, да еще такой мутной. Том знал фирмы, которые не стесняются шокировать публику, чтобы ее заинтриговать. Вот хотя бы на прошлой неделе он сам представил рекламную кампанию, рассчитанную на любопытство интернет-пользователей: в Сеть были выложены фильмы с острым и таинственным сюжетом; при этом коммерческая составляющая их не раскрывалась. Но несмотря на десятки просмотров, Том так и не сумел обнаружить ни единого логотипа, слогана, ни одной детали, позволяющей связать ролик, выложенный этим Альбаном М., с какой бы то ни было торговой маркой. И что за фирма решится выложить такой тревожный рекламный ролик? Вред, причиненный им, было бы трудно загладить, разве что откровенно комичным, юмористическим финалом. Но как раз его в данном случае не было. Оставалась гипотеза, что это трейлер нового телесериала, однако освещение и вся атмосфера нисколько не напоминали декорацию.

Томом постепенно овладевала уверенность, что его другу действительно грозит опасность, как вдруг высветился новый статус Альбана М.

Альбан М.: «В основе всякой ритуальной практики, всякого мифологического смысла лежит реальное убийство» (Рене Жирар).

С этого момента Том присоединился к встревоженным. Это не был язык рекламщиков, с которым он имел дело ежедневно. Даже если существовал один шанс на миллион, что эта история правда, Том заранее был согласен выставить себя на посмешище в 999 999 остальных. Он за несколько секунд создал на «Фейсбуке» группу, чтобы объединить все реакции и всю информацию, которая могла появиться: **«Те, кто хотят узнать больше об Альбане М.»**. Он скопировал адрес группы на стену Эразма и части их общих друзей и пригласил вступить в нее всех желающих.

Реакция не заставила себя ждать. Первое сообщение было выложено на стену буквально через две минуты.

Лаура Грист: «Я позвонила в полицию, но они не стали меня слушать. Коп, кажется, вообще не знает, как работает «Фейсбук». Не буду вам рассказывать, как он отреагировал, когда я заговорила о Марке Цукерберге. Невозможно отыскать более некомпетентного человека. Мне кажется, каждый должен взять телефон и позвонить 999 или 112², чтобы они поняли, что это серьезно. Надо их постоянно тормозить».

Том колебался, все еще пытаясь уверить себя, что реальность менее тревожна, чем то, что он видел своими глазами. Члены группы распространяли эту страницу так активно, что

² Номера телефонов служб экстренного реагирования. (Примеч. ред.)

число заходящих на нее росло в геометрической прогрессии. Когда он пытался, используя все возможности поиска, собрать больше информации по видеоролику, на плечо ему легла рука. Он вздрогнул.

– Эй! Ты докатился до управления видеороликами на Ютубе? Нас ждут на совещании, – объявил ему коллега, всегда готовый подловить его на ошибке.

Тому пришлось встать из-за стола, но он никак не мог сосредоточиться на теме совещания, и начальник сделал ему замечание за то, что он сидел, уткнувшись в свой телефон.

Друзья Альбана М. на «Фейсбуке»: 1992.

Группа на «Фейсбуке»: 1681

Лондон, Дворец правосудия. Серые тучи.

Клара Капланд, 35 лет, 1 м 78 см. Длинные темные волосы. Туфли на каблуках

– Ваши служебные полномочия не позволяют вам прибегать к методам, которые используют те, с кем вы боретесь, мисс Капланд. Суд считает, что вы не имели права взламывать электронную почту мистера Энди Вуда, журналиста «Морнинг трибюн», даже под тем предлогом, что вы подозревали его в попытке подкупа сержанта полиции. В качестве сотрудника специальной службы Королевства, борющейся с правонарушениями в новой сфере высоких технологий, вы должны при любых обстоятельствах соблюдать закон, в данном случае – неприкосновенность личных данных в Интернете. Доказательства, представленные вами суду, не могут быть приняты в этом качестве и никоим образом не могут служить оправданием ваших действий. Суд не будет выдвигать никаких обвинений против мистера Энди Вуда и признает за ним право на гражданский иск. Суд признает мисс Клару Капланд виновной в использовании документов, полученных способом, нарушающим неприкосновенность частной жизни. Учитывая то, что общество вправе требовать от сотрудников полиции и спецслужб, в одной из которых служите вы, чтобы они являли собой образец для подражания, когда речь идет о следовании букве закона, а также желая подтвердить незыблемость принципа свободы печати в нашей стране, суд приговаривает мисс Клару Капланд к штрафу в пятнадцать тысяч фунтов стерлингов в пользу мистера Энди Вуда в качестве возмещения причиненного ему морального ущерба.

Клара старалась держать себя в руках, чтобы на лице не отразился ее гнев. Зал заседаний опустел, а она еще долгие пять минут стояла неподвижно в своем темно-синем костюме, который хотела бы приберечь для более приятных случаев. Адвокат с самого начала предупредил ее: неприкосновенность частной жизни стала такой священной коровой, что ни один судья не рискнет проявить к ней снисхождение. Дело приобрело особо щекотливый характер, поскольку затрагивало права журналистов и защиту данных в Интернете. Кроме того, газеты с особым удовольствием принялись обсасывать тему, указывая пальцем на методы, используемые специальной службой, призванной действовать в сфере новых информационных технологий. Эхо слов судьи, выносящего приговор, все еще звучало в ее ушах. Суд считал, что она показала себя недостойной своей должности и своих обязанностей перед обществом! На помойку были выброшены все ее заслуги: раскрытые дела, успехи в деле борьбы с киберпреступностью, выброшена ее группа, которую британское правительство считало главной силой в противодействии новым формам терроризма.

Группа, возглавляемая Кларой Капланд, была создана несколько лет назад, когда на Даунинг-стрит, 10³ было принято решение предоставить уголовной полиции средства для борьбы против новых форм правонарушений, процветающих в Интернете. Чтобы обеспечить быст-

³ Даунинг-стрит, 10 – по этому адресу располагается резиденция членов правительства Великобритании.

роту в данном деле, правительство обратилось к опыту и знаниям спецслужб, точнее – Центра правительственной связи (ЦПС). Задачей этой службы, чья штаб-квартира расположена где-то в Западной Англии, является обеспечение британского правительства и других спецслужб страны – МИ-5 и МИ-6 – данными, полученными средствами радиоэлектронной разведки.

Клара была одной из первых сотрудниц, кому предложили организовать лондонское бюро службы, поближе к Главному управлению уголовной полиции. Несмотря на то что новая деятельность таила в себе много неизвестного, она согласилась, убежденная, что ей предстоит работать над важными делами и продемонстрировать свою компетентность в области деятельности, которая считалась по преимуществу мужской.

В первые месяцы она не выходила из кабинета, буквально приклеившись к монитору своего компьютера, тратя драгоценное время на бесцельное хождение по бесконечной Всемирной паутине. Задача показалась ей тяжелой. Ее готовили к защите интересов страны в широком смысле, но здесь ее задача была расплывчатой. Следовало отслеживать как мелкие повседневные правонарушения в Интернете, сводившиеся к торговле кредитными картами и оскорблениям в социальных сетях, так и громить сети педофилов и террористов. И там, и тут победа казалась почти призрачной. Клара очень быстро сделала все, чтобы установить связь с реальностью, взяла себе привычку выезжать на место происшествия вместе с оперативно-следственными группами полиции и сталкиваться с жестокостями жизни.

Выходя из зала суда без своего адвоката, она столкнулась с несколькими журналистами, явившимися освещать дело и ожидавшими ее первой реакции на приговор. Она резко оттолкнула их и решительно проложила себе путь, тогда как Энди Вуд красовался перед микрофонами и камерами возле огромных дубовых входных дверей. Он вызывающе улыбнулся ей, она ответила ему презрительным взглядом. Она расправила плечи и шла как можно ближе к нему, как бы напоминая, что она минимум на две головы выше его ростом. Уходя, Клара уловила несколько слов: «правосудие», «уважение», «некомпетентность», «свобода прессы»... Они подействовали на нее сильнее, чем она готова была признать. Эти слова ставили под сомнение все, во что она верила годами. И даже правильность выбора жизненного пути.

Юридическое образование сформировало у нее синтетический ум и привило честность. Работа в Центре правительственной связи несколько размыла ее принципы, поскольку ей довелось побывать в ситуациях, где граница между добром и злом оказывалась нечеткой. Она никогда не помышляла работать против киберпреступности.

Она вернулась на службу и не удивилась, узнав, что ее вызывает директор, под началом которого она работала в течение пяти лет. Неофициально Джеймс Маклейн поздравил ее с тем, что она доказала существование продажных полицейских, готовых продавать конфиденциальную информацию лишенным моральных принципов журналистам. Официально же он был вынужден ее наказать, чтобы его оставило в покое вышестоящее начальство: она отстранялась от работы на месяц. Клара на него не обижалась, зная, что он ей полностью доверяет. Вначале он относился к ней с некоторой настороженностью, потому что считал, что для данной деятельности больше подходит мужчина, но она сумела себя проявить. И никто больше не оспаривал ее статуса полноправного сотрудника службы, более того, в ней видели перспективного работника, способного пойти на повышение.

Выйдя из кабинета директора, Клара обратилась к своей группе, – воспользовавшись своим присутствием, – «живьем», чтобы придать больший вес словам. Она машинально одернула одной рукой жакет, а другой поправила выбившуюся прядь волос. Она кипела от негодования при мысли, что придется оставить работу, а ее взгляд пожирал стопки папок с делами, загромождавшие столы.

– Все мы знаем, что мы правы. Мы не могли позволить прессе заполучить конфиденциальную информацию и с ее помощью дискредитировать нас. Но это обернулось против нас.

Я по-прежнему убеждена, что мы должны учиться противодействовать новым видам преступности, неустанно бороться против педофилии, пиратства, нелегального спортивного тотализатора, неонацистов. Для этого нам приходится искать новые методы, экспериментировать, рискуя совершить ошибку. Да, я считаю необходимыми уважение свобод и неприкосновенность личной информации. Я ни на кого не обижаюсь, но отныне мы должны быть одной командой, и я не потерплю никаких отклонений.

Эта уверенная речь произвела должный эффект, и каждый вернулся к работе, убежденный в том, что делает нечто нужное и полезное. Только один веб-аналитик был переведен в другое подразделение из-за своих контактов с журналистом Энди Вудом. Когда связь между Кларой и одним из ее начальников стала темой крупных заголовков в прессе, пытавшейся доказать отсутствие независимости службы, информационный контроль сумел выйти на этого аналитика. Еще Вуд упоминал о некоторых темных личностях, покрываемых отделом по противодействию киберпреступности, что бросало тень на всю их работу. Сознывая весь риск, Клара взяла на себя ответственность и в поисках источника утечки сведений вышла за рамки закона: она попросила Дэни взломать электронный почтовый ящик журналиста.

Дэни, 25 лет. Постоянно в джинсах и кроссовках.

На майке надпись: «Я – хакер»

Дэни, принявший предложение поставить свои «нелегальные» знания, умения и навыки на службу закону, сохранял полудетское лицо, которое могло принадлежать едва достигшему зрелости подростку. Именно эта детскость привлекла Клару, когда два года назад она приняла его на работу в их службу, чтобы избавить от тюрьмы, – он развлекался взломами компьютерных сетей министерств, чтобы тем самым показать уязвимость их защиты от несанкционированного проникновения; как и все настоящие хакеры, он любил саму возможность бросить вызов, испытывал возбуждение от того, что первым преодолел те или иные сетевые защитные меры. Его приход в службу произвел в некотором роде революцию в деле подбора кадров сотрудников информационной безопасности: он подал идею устроить конкурс по взламыванию кода, чтобы определить ценность соискателя. Те, кому удавалось взломать код, приглашались на собеседование. Наверху подобный метод подбора кадров сочли политически некорректным, но Клара взяла дело в свои руки и лично объяснила, что, если руководство желает получать результаты, элементы конкуренции при приеме новых сотрудников просто необходимы. И печатные СМИ, и комментаторы в Интернете долго веселились, обсуждая этот способ набора людей на такую службу. Однако опыт оказался удачным. Дэни был ее подопечным. Она оставляла ему достаточно свободы, чтобы он не растерял свою энергию и сноровку.

В службе Дэни прижился не сразу. Первое время ему постоянно было не по себе, его преследовало ощущение, что он находится не на своем месте, и это ощущение усиливалось от того, что он с трудом входил в коллектив, а ведь в этом мире от неформальных связей порой сильно зависит карьера. К счастью, Клара его не бросила и помогала шаг за шагом преодолевать трудности, развивая в нем уверенность в себе. Разница в возрасте почти в десять лет не помешала им сдружиться. Даже слишком, как казалось кое-кому, кто, наблюдая за ними со стороны, искал знаки скрываемой интимной близости. Клара была для Дэни уважаемым, авторитетным человеком, с которым он мог не только обсудить рабочие вопросы, но и личные, со свойственными ему стыдливостью и робостью. Она же рассчитывала на него в том, чтобы не отставать в информатике, которая с каждым днем становилась делом все более сложным, ведь в этом мире технологии и привычки меняются каждые три месяца.

Дэни тяжело переживал обвинительный приговор Кларе и ее отстранение от работы, тем более что это он взломал электронную почту журналиста. Чувство вины мешало ему смотреть ей в глаза, и он не отрывался от экрана. Клара ни разу не назвала его имени. Он избежал огласки и наказания, но весь кипел, потому что Энди Вуд не должен был заметить взлома своей почты.

Дэни был достаточно опытен в таких делах! Но его подловил другой хакер, вот уже некоторое время преследовавший его, он был не в силах понять, почему Дэни согласился работать на полицию. Ему доставило удовольствие выдать Дэни. Но полицейский хакер не собирался утереться и промолчать, он уже обдумывал план мести.

*Ранчо площадью в несколько гектаров.
Неизвестно где. Несколько холмов с густой
растительностью. Жаркое солнце*

Колин проснулся весь в поту, волосы прилипли к подушке без наволочки. Солнце нагрело его постель, и он инстинктивно повернулся, ища тень. Это движение окончательно его разбудило. Он подскочил, не понимая, где находится.

Последнее, что он помнил, была скала Тодзимбо. При этом воспоминании его сердце забилось сильнее. Его мозг остановился, когда правая нога не нашла под собой опоры и увлекла в падение все его тело. Он открыл глаза и, не шевелясь, поискал взглядом знакомые предметы. Он увидел свое отражение в зеркале, занимавшем целую стену. Он оперся на локоть левой руки и приподнялся. На нем была больничная одежда, стандартная ночная рубашка ниже колен, в тонкую синюю полоску. Нижнего белья нет, ноги босые, на матрасе нет простыни. Кровать стояла посреди квадратной комнаты без потолка, вместо которого он увидел небо. Никакой мебели, за исключением некоего подобия пластмассового ночного горшка в углу. Двери не было, во всяком случае, он ее не разглядел. Только четыре стены высотой метров четыре-пять. Колин заглянул под кровать, оказалось, что она привинчена к серому бетонному полу. При каждом движении головы он видел отражение своего осунувшегося лица и фигуры в зеркалах, занимавших высокие стены. Он поднялся и подошел к одной из них. Над ним было голубое небо без единого облачка. Не раздавалось ни звука. Колин снова сел на кровать и стал изучать новый мир, в котором оказался. Куб. Ни единого предмета из его прошлой жизни. Несмотря на открытое небо над головой, им овладел приступ клаустрофобии, усиленный тишиной.

– Есть тут кто-нибудь? На помощь! Я Колин Стирл.

Долгие минуты Колин беспорядочно повторял только эти три фразы, словно страх ограничил его словарный запас, а они отскакивали от стен его тюрьмы. Он попытался передвинуть кровать – безуспешно. Половина площади помещения теперь находилась на солнце, отражение которого от зеркал вынуждало его, чтобы не страдать от жары, перемещаться вместе с тенью, исчезающей по мере того, как текли часы. Губы пересохли. Не было воды. Ничего. Скоро усталость вынудила его прекратить призывы о помощи. Тяжело дыша, он лег в затененном уголке и заснул прямо на полу.

Когда он открыл глаза, начинало темнеть. Оранжевые отблески указывали, что солнце заходит, но стены не позволяли определить его точное местоположение. Теперь весь куб погрузился в тень. В нескольких метрах от себя он увидел пластиковый стакан с прозрачной жидкостью. Страдая от жажды, он подошел к нему, понюхал содержимое и выпил залпом. Во рту остался какой-то неприятный привкус. Рядом со стаканом стояла бумажная тарелка, а на ней – рубленый бифштекс и несколько белых фасолин. Колин почувствовал, как после первых же проглоченных кусков у него болезненно скрутило желудок. Он не знал, сколько времени он не ел. Это был один из многих вопросов, которые он начал себе задавать.

За ним следили, о нем заботились. Но кто? Невозможность ответить на вопросы тревожила. Кто мог быть заинтересован в том, чтобы держать его взаперти? Колин даже спросил себя, жив ли он. Может быть, все это лишь одно из проявлений смерти? От такого предположения ему стало плохо, как будто он оказался между двумя реальностями, сталкивавшимися между собой. После еды его мозг заработал интенсивнее. Эта пытка могла быть бесконечной. Он придумал целую теорию заговора, согласно которой семья убитой студентки после вынесения оправдательного приговора, решила отомстить ему таким способом. Его дыхание уча-

стилось, чему способствовал стресс, вызванный нахождением в замкнутом пространстве. Собственное отражение в зеркале вызывало отвращение. Ему хотелось посмотреть, что за стенами.

Колин снова начал кричать, но так же безуспешно. Он взял пустые тарелку и стакан и подбросил их в воздух. Ему пришлось много раз повторить эти броски, прежде чем удалось перебросить их через стену. Не было слышно ни единого звука, предметы словно поглотила неизвестность.

– Вы видите, я здесь! Я живой! Выпустите меня отсюда!

Кружась по кубу, он чувствовал, как растут в нем ярость и тревога, проявлявшиеся в физическом напряжении, ставшем неконтролируемым. Он стал колотить по зеркалу, но разбить не смог. Его кулак не причинил стеклу никакого вреда, только произвел глухой стук. Это было не стекло, а какой-то гибкий небьющийся материал. Зеркало казалось встроенным в стену, а не просто повешенным на нее. Сколько времени ему предстояло здесь пробыть?

Несколько раз сменили друг друга фазы сна и бодрствования. Когда он наконец нашел в себе силы встать, обнаружил у ножки кровати номер незнакомой ему токийской газеты; полоса была посвящена убийству Асами Миюзу. В написанной в обвинительном тоне статье было больше эмоций, чем фактов. И вдруг Колину стало страшно. Это, казалось, подтверждало его теорию мести. Он должен выбраться, должен попытаться убедить своих палачей. За какое-то мгновение он вновь пережил все то, что испытал после окончания процесса, все насмешки, все шуточки. Он покончил с собой, чтобы положить конец всему этому. И тем не менее оказался здесь. Живой. У Колина стало возрождаться желание сражаться, он начал понимать, что слишком рано опустил руки в той ситуации, выставлявшей его виновным в глазах публики. В конце концов, что значило его недавнее прошлое перед грозным настоящим, где физическая боль соединялась с душевными муками? Он очутился в тюрьме нового типа.

– Я ее не убивал, если вы это хотите знать! Это не я! Моя жена соврала. Выпустите меня отсюда!

Он сорвал голос и начал хрипеть. А потом, терзаемый тревогой, потерял сознание.

Колин знал о моральных пытках, заключающихся в том, чтобы лишить заключенного ориентиров во времени, отрезать его от внешнего мира. Грубо напомнила о себе война, потребовав от тела и мозга снова надеть панцирь, который он научился прятать.

Ему уже доводилось выдерживать экстремальные нагрузки. Но прошлые знания и опыт не избавляли от неприятных последствий нынешних бед. Начались боли в животе. Страшные спазмы. Поскольку весь туалет оказался сведенным к пластмассовому горшку, он стал кричать еще громче, но по-прежнему безрезультатно. Тогда он подошел к этому унижительному предмету, взял его в руки и решил перешагнуть через свое достоинство. Затем он долго сидел у ножки кровати, закрыв глаза, надеясь, что, когда откроет их снова, увидит что-то знакомое. Хотя бы одну деталь, которую он узнает, которая напомнит ему, что он живой. Отказываясь снова столкнуться с пустотой, Колин лег.

На следующий день все было вычищено, а его ждал завтрак: чашка кофе, кусочек свежего хлеба, стакан апельсинового сока. В этом внимании было что-то нереальное. Сначала Колин не пошевелился, несмотря на то что в животе у него урчало от голода. В конце концов он подошел и понюхал каждый продукт. Как животное. Не уловив ничего подозрительного, он поднес хлеб ко рту и откусил маленький кусочек. Удовольствие от еды преодолело его настороженность. Но, еще жуя, он чуть не подавился. Неизвестно откуда появились крысы. Испуганные, они бегали во все стороны, издавая нервирующие пронзительные крики, похожие на невнятный шепот.

Колин выплюнул все, что было у него во рту, и, ошеломленный, забрался на кровать. С десяток крыс металась во все стороны в поисках выхода. Они бегали туда-сюда под кроватью, стукались о зеркала. Некоторые набрасывались на хлебные крошки и выплунутую им кашу; голод вызывал их агрессию, направленную друг на друга. Колин поджал ноги и внимательно наблюдал за животными, чье внезапное появление превратило комнату в какую-то эксперимен-

тальную лабораторию. В нем ожили тайные страхи, не позволявшие ему двигаться, в памяти вновь всплыли сны, в которых он оказывался запертым в подzemелье с крысами. Ему казалось, что таинственные тюремщики залезли ему в голову и теперь могли читать все его мысли. Начались непроизвольные подергивания ступней ног. Вдруг раздался более пронзительный, чем прочие, крик. Колин увидел, что одна крыса лежит на полу с окровавленным брюхом, явно став жертвой сородичей, до смерти грызших друг друга. Ожесточенная битва продолжалась несколько минут. Одна за другой тушки замирали в неподвижности в возвращавшейся в свои права тишине. Скоро осталась только одна крыса, раненая, которая по-прежнему пыталась вырваться из этой камеры смерти. Колин неподвижно наблюдал за этим разгулом насилия. По его щекам текли слезы усталости и страха. Он больше не был способен думать. Не контролируя себя, он вскочил, схватил ночной горшок. Потом подошел к последней оставшейся в живых крысе, которая с трудом ползла, и уверенным движением обрушил горшок на голову бедного животного; этого оказалось достаточно, чтобы крыса испустила дух.

Опустив руки, Колин пустыми глазами смотрел на неподвижную тушку. Ему был противен вид крови на горшке, который он молча швырнул через стену. Потом он одну за другой перекинул трупы крыс туда же.

В его голове крутилось единственное слово: «кровожадный». Он понял, что ему надо организовать сопротивление, чтобы не сойти с ума. Его мозг и его воображение съеживались, как желудок, обреченный на голодание. Он не мог думать ни о чем, кроме ограниченного мира, окружающего его. Малейшая деталь вызывала агрессию. Цвет неба, тишина, зеркало, собственное отражение – все это кричало ему о его положении узника. Поначалу он решил, что достаточно будет подождать, и ситуация прояснится. Теперь он отдавал себе отчет в необходимости защитить себя. Если он будет так реагировать на все события, долго ему не выдержать. Пол нес следы смертельной схватки, произошедшей здесь. Колин ходил по крови, словно доказывая себе, что это ему не приснилось, а затем оставлял кровавые отпечатки ступней по всему полу. Он кружил вокруг кровати долго, ища в своем мозгу все, что могло ему помочь найти взаимосвязь, схему, логику. Возник образ его жены, но он прогнал его из памяти, не желая углубляться в болезненные воспоминания. Запах крови делал воздух едким и тяжелым. Жара еще больше сгущала эту атмосферу, и у Колина закружилась и загудела голова. Он доковылял до кровати, совершенно измученный от нервной усталости.

В момент его пробуждения в чисто убранной комнате пахло ванилью и кокосовым орехом. Запах смутно напоминал о природе, но доминировали все-таки искусственные ароматы. Снаружи начинало светать, упали первые капли дождя. Кровать была недостаточно высокой, чтобы можно было спрятаться, забравшись под нее, а другого укрытия не было. Колин решил снять то, что служило ему ночной сорочкой, чтобы сделать из нее зонтик, как вдруг послышалось урчание. Над его головой смыкалась состоящая из двух частей механически выдвигающаяся крыша. Только что появившийся подсвечиваемый потолок почти не отличался от неба, увиденного им в первый день: голубого, безоблачного, освещенного солнцем. Такое повторение напугало его. Он бросил ночной горшок вверх и убедился, что это ему не снится. Теперь, с неожиданно возникшей пятой перегородкой, его заточение приобретало дополнительное измерение. Он оказался в гробовой тишине, которую, по идее, должен был нарушать дождь. Он сосредоточился. Сомнений не осталось: он больше не слышал шума дождевых капель. Особый материал гасил их звук. То же самое происходило, когда он перебрасывал предметы через стены.

Колин почувствовал, что еще немного, и он потеряет над собой контроль, рухнет в бездну, из которой его мозг никогда уже не выберется. И тогда, чтобы удержаться, он стал читать стихи:

Скажи, улетает ли иногда твое сердце, Агата,
Далеко от черного океана отвратительного города
К иному океану, где блестит девственная чистота,
Синева, прозрачность, глубина?
Скажи, улетает ли иногда твое сердце, Агата?

Ритм стихотворения успокаивал. Он помнил эти строки с юности, со времени учебы и продолжавшейся несколько недель любви с веселой, может быть, немного даже слишком веселой, рыжеволосой Хейли, дочерью декана. Тайная страсть превратилась в большую любовь. Но внезапно она сказала, что уезжает. Он ничего не понял, стал ее расспрашивать, даже расплакался. После их разрыва стихотворение Бодлера показалось ему подходящим к его ситуации. Тогда он стал заучивать и другие, как будто слова могли помочь залечить душевные раны, принести утешение, которое ему не могли дать люди.

И вот теперь, закрыв глаза, Колин продолжал:

Смерть утешает – увы! – и заставляет жить.
Она – цель жизни и единственная надежда,
Которая, как эликсир, нас бодрит, и опьяняет,
И придает нам мужество идти своим путем до самого вечера.

Эти слова, как ему казалось, защищали его от внешнего мира. Требуемая сосредоточенность закрывала его мозг, не давая ему бредить. Никакого эха, его голос гасили стены. Через полчаса он остановился и стал слушать свое дыхание, которое опять участилось, мозг принялся строить различные сценарии смерти: утопление, удушение, от обезвоживания, отдание на съедение зверям. В памяти возникли картины службы в Югославии, образы всех этих бредущих по дорогам жертв невыносимых мучений – женщин и мужчин, которым он ничем не мог помочь. Даже если он очерствел, военное прошлое не отпускало. Он хотел разбить голову о стену, чтобы прекратить свое заточение. Ему необходимо было большим физическим усилием освободить от мыслей голову. Он сел рядом с кроватью, немного возвышавшейся над полом благодаря привинченным к нему металлическим ножкам, зацепился пальцами ног за нижний край матраса и начал упражнения по разработке пресса. Сериями по десять. Уже на второй серии он почувствовал боль, но не стал обращать на нее внимания. Он хотел устать, надеясь, что затем найдет отдых. Наконец он рухнул. Боль разлилась по нижней части спины, и он долго лежал неподвижно. Тело ныло, дыхание было учащенным. Он не считал, сколько сделал упражнений, но понимал, что их было слишком много для университетского профессора, каждую неделю напоминавшего себе, что надо бы снова начать заниматься спортом, но так и не начавшего. Не вставая, он ухватился за кровать, сумел на нее забраться и лег.

*Лондонское бюро Центра правительственной связи.
Тяжелая атмосфера*

Середина дня была отмечена уходом Клары. Все молчали, слышны были только звуки нажимаемых клавиш и кликанье мышек, как свидетельство автоматизации рабочего процесса. Ни единого слова, только дыхание. Здание, в котором располагалось лондонское бюро Центра правительственной связи, находилось на Кенсингтон-роуд и было защищено от шума проезжающих машин большими белыми воротами. Бригада занимала четыре кабинета: в первом работали Дэни и двое его коллег, осуществлявших различные поиски в Интернете; в соседнем располагалась группа из четырех экспертов по безопасности, занимавшихся, в частности, анализом содержания жестких дисков, изъятых при обысках или обнаруженных на местах преступления; наконец, дальше были кабинеты директора и Клары.

Джеймс Маклейн, 58 лет. Волосы с сединой.

Регулярно занимается спортом

Начальник бригады Джеймс Маклейн сожалел, что ему придется обходиться без Клары. Она хорошо работала, но она попалась, а это непростительно.

Когда пять лет назад его назначили на эту должность, Джеймс не думал, что заинтересуется борьбой с киберпреступностью после долгой работы в секретных службах, заставившей его немало помотаться по свету. Согласие он дал, главным образом чтобы сделать приятное жене, настаивавшей на том, что после пятидесяти он должен перейти на кабинетную работу. А главное – что им следует уехать из западной части страны и вернуться в Лондон. И вот когда представилась возможность, он ею воспользовался. Очень быстро он полюбил новую работу, заинтересовался созданием новых протоколов, находил удовольствие в разговорах с программистами, объяснявшими ему новые приемы хакеров, становившиеся все более изобретательными. К нему вернулся энтузиазм первых лет службы вместе с желанием стать умнее противника.

Телефонный звонок отвлек его от воспоминаний. Тряхнув головой, чтобы отогнать картины из прошлого, он снял трубку. Секретарша сообщила, что пришел начальник уголовной полиции Марк Чемберс, с которым у него назначена встреча на пятнадцать часов. Джеймс быстро навел порядок на столе, прежде чем пригласить гостя. Они были знакомы уже четверть века; их знакомство состоялось в самый разгар обострения североирландского конфликта. Тогда спецслужбам и полиции пришлось объединить свои усилия, чтобы справиться с волной покушений, целью одного из которых должна была стать Маргарет Тэтчер: ее собирались убить в отеле в Брайтоне. Теперь они регулярно работали вместе по делам, требовавшим их кооперации. Марк приходил к нему не только затем, чтобы обсудить служебные дела. Порой они просто вспоминали старые добрые времена. Джеймс не смог уклониться от традиционных объятий и похлопываний по плечу – его старый приятель всегда бурно выражал свои эмоции.

– Я узнал о Кларе. Мне очень жаль, что это дело приняло такой размах.

Джеймс занял место за столом, а Марк удобно устроился в кресле напротив.

– Ты не хуже меня знаешь, как работает система и как действуют политики. Они хотят получать результаты, но не желают пачкать руки и – главное – всячески стараются избежать скандалов. Мне пришлось отстранить ее от работы на месяц. Какая нелепость! Теперь мне пришлют вместо нее некомпетентного человека неизвестно из какой службы, совершенно ничего не понимающего в том, чем мы занимаемся.

– Кстати о потерях. Терять придется не только время. Я пришел сообщить тебе, что правительство решило сократить в ближайшие месяцы бюджетные расходы. Наверху мне поручили предложить произвести перераспределение задач между полицией и ЦПС. Надо обсудить это с твоими людьми.

Джеймс не сдержался:

– Что?! Мы слишком дорого стоим? Они ждут результатов, но отбирают у нас средства их достижения!

– Послушай, то, что ты будешь нервничать, ничего не изменит. Окончательное решение пока не принято, я пришел только сделать предложение!

Оживленное обсуждение продолжалось в течение получаса, а потом Марк ушел – у него была назначена другая встреча. Не успел Джеймс опуститься в кресло, как в дверь постучали. Это была Лайза, в чью задачу входило обобщение различных данных, непрерывно поступающих к ним в бюро.

– Прошу прощения за беспокойство, но, поскольку Клары нет...

– Прошу вас. Что случилось?

Со вчерашнего дня к нам обратились из трех различных полицейских участков в связи с полученными ими странными звонками по поводу одного видеоролика на «Фейсбуке».

– Видеоролика? А что с ним?

– Вроде бы речь идет о людях, которые несколько дней не подают признаков жизни, если не считать этого странного видео, выложенного на их профилях в «Фейсбуке».

– Насколько странного?

– Похоже на захват заложников.

– Уголовная полиция в курсе?

– Да, но, судя по всему, они не приняли это всерьез.

Джеймс встал, взял бумаги, принесенные Лайзой, и отправился в кабинет Дэни, читая по диагонали первые страницы досье. Новая идиотская шутка? С ума сойти, что могут выдумать люди, сидящие перед экраном монитора. Но что, если это не шутка... Он вошел без стука и положил досье на стол юного гения информатики.

– Дэни, найдите мне, пожалуйста, это видео, – сразу, в лоб, попросил он, показывая подчеркнутый фломастером электронный адрес сайта.

– Нет проблем, босс.

Джеймс попросил не называть его так, но наткнулся на неожиданный ответ: «Так мне кажется, что я играю в американском фильме». Директор лондонского бюро ЦПС по опыту и по долгу службы знал, что иной раз необходимо закрывать глаза на недостатки подчиненных, тем более на такие незначительные. Главное: он понимал, что никогда не следует раздражать специалиста, от которого зависит достижение конечного результата.

Дэни подвинулся, чтобы его начальник мог посмотреть видео. Внимательный к малейшим деталям, Джеймс оценил, какой шок подобный ролик мог произвести на знакомых тех людей, кто присутствовал в кадре.

– Это монтаж? – спросил он Дэни.

– Не знаю. Я не специалист... А с тем, что мы имеем здесь, невозможно быть уверенным на все сто процентов.

– Свяжитесь с нашими американскими и европейскими коллегами и спросите, не поступали ли к ним аналогичные сведения от местной полиции. Я хочу знать, под чью юрисдикцию подпадает эта история, поскольку нет никаких указаний на то, что это британцы. И установите личности так называемых заложников, используя идентификацию по лицу.

– Мы попытаемся, но я не знаю, позволит ли качество изображения сличить эти лица с имеющимися фотографиями.

Джеймс протянул хакеру досье:

– О'кей, о'кей. Вот различные данные, собранные по этому делу Лайзой. Посмотрите, что еще вы можете добыть. И проверьте вместе с нашими аналитиками подлинность видео, используя все имеющиеся средства и возможности. Не удивлюсь, если это окажется дурацкой шуткой. Если это так, я не желаю, чтобы вы тратили на нее много времени.

– Босс, вы читали его последний статус?

Джеймс внимательно прочел: «В основе всякой ритуальной практики, всякого мифологического смысла лежит реальное убийство».

– Поторопитесь, – услышал Дэни в ответ.

Два часа спустя Дэни вошел в кабинет босса с первыми результатами своих поисков. Он нашел в «Фейсбуке» три профиля, на которых в одно и то же время были выложены одинаковые сообщения: «**На помощь!**», потом «**На помощь! Подружитесь с Альбаном М.**». Профиль этого самого Альбана М. не содержал никакой иной информации, кроме двух статусов и странного видеоролика. Дэни попытался отследить соединения данного аккаунта, но выйти на первоисточник – компьютер, с которого Альбан выходил в Сеть, – оказалось невозможно. Его

IP и MAC-адрес были умело спрятаны и пересылались с сервера на сервер. Зато было важно отметить, что все интернет-пользователи, откликнувшиеся на первый статус и видео, похоже, находились на территории Великобритании, что, вне всякого сомнения, выдвигало на первый план Центр правительственной связи.

Один пользователь даже создал в «Фейсбуке» группу «Те, кто хотят узнать больше об Альбане М.», и обсуждения в ней говорили о беспокойстве ее членов. Информация начала распространяться вширь. За два часа, ушедшие на розыск, предпринятый Дэни, у Альбана М. зарегистрировалось более трехсот новых друзей.

Джеймс записал все эти данные и связался со штаб-квартирой ЦПС, чтобы запросить более подробные сведения о видеоролике. Они были утвердительными. Никаких следов монтажа. Видео казалось подлинным. Качество изображения говорило, что съемка велась аппаратом массового производства, без специального объектива, вероятнее всего, мобильным телефоном. Учитывая, что на рынке таких аппаратов миллионы, выйти на владельца не представлялось возможным. Также невозможно было определить время, когда была сделана съемка, несмотря на то что эксперты обращали тщательнейшее внимание на все детали: количество пикселей, качество освещения, отсвет, пытались произвести идентификацию лиц по имеющейся базе данных...

Агентство «Артандко».

Перед компьютером.

Обеденный перерыв. Суши, кока-кола

Том следил за обсуждением, разворачивавшимся в группе на «Фейсбуке». Каждый высказывал свое мнение, но никто не имел никаких конкретных сведений. Альбан М. не отвечал ни на одно из личных сообщений, отправлявшихся ему через «Фейсбук». Зато не отвергал ни одной просьбы включить его в друзья.

На своем компьютере Том сделал несколько скриншотов видеоролика. Но из-за слабого освещения он с большим трудом различал детали, даже на неподвижных изображениях. Картинка оставалась размытой. Возможно, дело происходило на корабле, но он не был в этом уверен. Он нервничал из-за отсутствия конкретных данных и боялся за друга, воображая самое страшное.

Завибрировал лежащий на столе айфон. Номер скрыт. Ничего необычного, к этому приему прибегают многие фирмы. Но чаще такой вызов определяется как «Номер неизвестен». Увлечшись чтением информационной ленты «Фейсбука», он дождался окончания вибрации, чтобы привычным движением ответить на звонок.

– Алло?

Никто не ответил. Но он слышал дыхание звонившего.

– Алло? – повторил он.

Снова тишина. Снова то же дыхание. Он не мог решиться дать отбой, замороженный этой тишиной. Его внутреннее напряжение усилилось. Кто этот неизвестный на другом конце провода, который звонит и ничего не говорит?

Ожидание прервал незнакомый голос:

– Через два часа на «Фейсбуке».

Том не успел ответить, потому что собеседник положил трубку. Часы в опенспейсе показывали 17.30. Через два часа...

Глава 3

Агентство «Артандко», Лондон.

Том растерян.

Разрозненная информация.

17.30

После странного звонка, назначавшего ему встречу через два часа в Интернете, Том пришел в себя и, отбросив колебания, позвонил в полицию. Ему тоже пришлось столкнуться со скептицизмом собеседника. Для непосвященных «Фейсбук» – это несерьезное дело, мистификация, выложенный на всеобщее обозрение личный дневник, и это нечто такое, что не может иметь отношения к преступному деянию. Напрасно Том напоминал, что в Интернете все серьезно – подростки кончают с собой в прямом эфире перед веб-камерами, через неконтролируемые почтовые системы назначаются встречи между преступниками и террористами, – полицейского, похоже, ему убедить не удалось. Тот лишь согласился передать сообщение соответствующей службе. Том иронично поинтересовался, какая именно служба занимается расследованием убийств на «Фейсбуке», и, разочарованный, положил трубку.

Друзья Альбана М. на «Фейсбуке»: 3551

Лондонское бюро Центра правительственной связи – 18.00. Этаж дирекции.

Джеймс Маклейн

Джеймс почувствовал, как он устал за этот день, но очень быстро понял, что сегодня, пожалуй, не успеет домой к ужину. Его белая сорочка потеряла свежесть. Он встал, чтобы взять чистую из нижнего ящика своего рабочего стола, – со временем потребность регулярно переодеваться уменьшилась, но не исчезла совсем. Не успел он ее развернуть и вытащить все скрепки и иголки, как ему позвонила секретарша:

– Сэр, на линии журналист «Морнинг трибюн». Он советует вам зайти на интернет-сайт газеты.

– Простите?

– Он говорит, что это важно.

– Переведите его в режим ожидания.

Джеймс набрал адрес сайта и на главной странице с изумлением прочитал:

«ФЕЙСБУК» – НОВОЕ МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

А дальше следовало подробнейшее описание информации, поступившей к Джеймсу в начале второй половины дня. Там же сообщалось, что полиция на данный момент отказывается относиться к этому делу серьезно, критика подкреплялась комментарием неизвестного пользователя, набранным достаточно большим шрифтом, как подзаголовок: **«Мы боимся, а полиция нам не верит».**

Взбешенный, директор снова схватил трубку телефона:

– Немедленно соедините меня с ним!

– Мне очень жаль, он положил трубку.

Джеймс тоже швырнул свою на рычаг, и звук от удара громко прозвучал в кабинете. *Этого не может быть, все опять сначала!*

Подпись под статьей выглядела как улика: Энди Вуд. Сеть врага Клары была заброшена глубже, чем предполагал Джеймс, если он был способен выложить в Интернет сведения, счи-

тающиеся конфиденциальными и предназначенными для специальных служб. И ему еще хватает наглости звонить и предупреждать! Это был вызов. Джеймс терпеть не мог журналистов, позволяющих себе пугать публику, не желая понимать трудности работы полиции по розыску преступников. Метод был распространенным и вызывал отвращение. Когда Клара заподозрила Энди Вуда в получении информации путем подкупа сотрудников их службы, он оказал ей всю необходимую поддержку. Утечки информации представляли одну из главных забот полиции, поскольку попадавшие в открытый доступ сведения порождали панику или вредили системе защиты общества.

Джеймсу не понравились ни этот звонок, ни эта статья, ни ее скрытый подтекст. Значит, у Энди Вуда по-прежнему имелись осведомители в правоохранительных структурах. После предупреждения, каковым должно было стать расследование Клары, можно было ожидать, что журналист на некоторое время притихнет, а не начнет лобовую атаку на них. Директор ЦПС устал бороться против устойчивого стереотипа: дескать, разведслужбы и полиция всегда машут кулаками после драки.

Если другие СМИ или отдельные лица, провоцирующие скандалы путем вброса информации, подобранной где попало, – а есть немало примеров из недавнего прошлого, когда это приводило к катастрофическим последствиям, поскольку слухи, подхваченные социальными сетями, разрастались, словно снежный ком, – пронюхают о данном деле, будет очень трудно сдержать волны дезинформации, которые непременно появятся. А если еще выяснится, что его служба не отнеслась серьезно к угрозе, способной занять первые полосы крупнейших ежедневных газет страны...

Необходимо было любой ценой заставить уголовную полицию принимать заявления граждан по данному делу, а приоритетами его бюро станут пристальное изучение странного видео и связи Энди Вуда. И для выполнения второй задачи у Джеймса имелся подходящий человек.

***В буше. Где-то на севере Австралии.
Джордж, 38 лет. Всклокоченные волосы,
один на всем свете***

Когда заходящее солнце окрасило оранжевым цветом горизонт, Джордж любовался деревянным домом, который строил на протяжении двух лет. Стройка такого масштаба могла бы свести с ума многих. Но не его. День за днем он строил, рыл и красил. День за днем работа его продвигалась, но он не имел никакого желания строить дом своей мечты. Для него не имело значения, жить здесь или в каком-то другом месте. Это занятие заставляло его сосредотачиваться на простых повторяющихся движениях, мешавших ему думать о прошлом.

Вокруг строения, насколько хватало глаз, расстился буш. В этой части Австралии среднего размера деревья, отстоявшие друг от друга на несколько метров, доминировали над высокой травой, зеленой зимой и выжженной летом. Поселившись вдали от дорог, Джордж никогда не слышал звуков моторов. Он намеренно ушел из мира, где человек постоянно окружен звуками автомобильных двигателей или урчанием разных приборов. Изредка он наведывался в ближайший город, расположенный в двадцати километрах, чтобы запастись продовольствием и инструментами, а в остальном довольствовался минимумом, решив вернуться к простой неторопливой жизни. У него было все необходимое, ни в каких развлечениях он не нуждался. Глядя на свой деревянный дом, он радовался, сравнивая свое сегодняшнее душевное равновесие с той жизнью, которую бросил пару лет назад.

Несмотря на жаркое солнце, Джордж вздрогнул. Он сходил за майкой, которую раньше повесил на ограду, и надел ее. После двух часов работы ему хотелось помыться – редкий момент, когда он ухаживал за собой почти так же, как прежде, несмотря на то что отпустил длинную бороду и ходил с всклокоченными волосами, отказываясь подчиняться условиям,

тем более что в радиусе многих километров никто не мог этого оценить. Несмотря ни на что, он сохранил привычку смотреться в разбитое зеркало: единственный предмет, взятый им из прошлой жизни, как последняя связь с внешним миром, чтобы не забыть, как он выглядит, чтобы не ощущать себя скатившимся до состояния животного.

Питьевую воду Джордж брал из небольшого ручья, протекавшего за его домом; благодаря бассейну из камня и песка он фильтровал воду и черпал столько, сколько ему требовалось. Свежая вода хранилась в деревянной бочке – такая тара была полезнее для здоровья и избавляла его от необходимости пользоваться пластиковыми бутылками, о которых он старался больше не вспоминать.

По пути к ручью он нашел кусок резины, брошенный, вероятно, каким-нибудь туристом; похоже, деталь от рюкзака. На обломке было кричащими буквами написано название широко известной фирмы, а на обороте: «Made in China». Подбирая обломок, он испытал глубокое отвращение и глухую злость, а потом окинул взглядом окрестности, как будто хотел раствориться в природе...

***Нью-Йорк. Кабинет доктора Гриффина,
Башня из стекла и бетона в центре Манхэттена,
46-й этаж***

– Проходите, пожалуйста.

Кабинет психиатра, специалиста по психологии труда, совсем не напоминал традиционный врачебный кабинет. Обстановка была уютной, скорее напоминала комнату квартиры. Однако что-то странное все-таки присутствовало, но что – Джордж Ривлин определить не смог.

– Располагайтесь, где вам удобнее: в кресле или на банкетке.

Джордж не стал особенно выбирать и направился к креслу. Он испытывал неловкость при мысли о том, что должен лечь.

– Изложите мне вашу проблему подробно. Коллега, направивший вас ко мне, описал некоторые симптомы, но я предпочел бы все услышать от вас. Ваш род занятий?

Джордж вздохнул, понимая, что ему придется рассказывать о себе, и выпрямился в кресле в стиле ампир. В глубине души он надеялся на «здравствуйте и до свидания» плюс рецепт, а не на полноценную консультацию, но в конце концов изложил ситуацию:

– Я – советник по связям, в основном работаю на «сильных мира сего»: политиков, крупных бизнесменов, топ-менеджеров крупных корпораций, адвокатов. На бумаге это означает всё и ничего. В глазах большинства людей эта профессия имеет неважную репутацию. В действительности моя работа заключается в том, чтобы быть в курсе всего и, главное, уметь соединять между собой различные куски информации, отыскивая общие места или различия. Одной детали может быть достаточно, чтобы построить дерево, которое затем будет использовано моими заказчиками. Главным в моей работе является быстрота. И состояние постоянной готовности. Поэтому мой мозг всегда должен быть бодрым.

Джордж был лучшим в своем деле. Каждое утро он вставал в семь ноль-ноль, надевал костюм-тройку – неизменно темно-синего цвета – и отправлялся на работу. По дороге он делал остановку в «Старбакс» на углу Пятой и Тридцать третьей авеню, на полпути между метро и его офисом, заказывал с собой маленький карамельный макиато и черничный кекс. Придя на работу, он проверял на всех своих почтах письма, пришедшие ночью от европейских партнеров, если не успевал их прочитать на планшете, пока ехал в метро, потом посещал все информационные сайты, занесенные в «Избранное», – самыми известными из них были «Твиттер», «Фейсбук», Би-би-си, Си-эн-эн, поисковик Гугла, – а также серию блогов и альтернативных сайтов экспертов, бывших, как он знал, намного информативнее иных редакций или агентств печати. Джордж внимательно отслеживал все новости: политические, экономические, спортивные, культурные, стремясь придать большую эффективность своим аналитиче-

ским заметкам. Он читал, перечитывал, перепроверял, копировал и соединял воедино информацию, которая могла оказаться важной. А таковой была она вся. Его внимания постоянно требовали компьютер и телефон. Параллельно он в течение рабочего дня собирал все, что приходило от его друзей из разных групп и слоев, от политиков до финансистов. Единственной его задачей было быть в курсе всего и оставаться на связи. Живя в постоянном пьянящем шуме, он переходил от компьютера к смартфону, управляясь с непрерывным потоком сообщений.

Будучи хорошим специалистом и получая за свою работу очень достойную плату, он занимался и очень деликатными вещами. В последние годы основной доход давали такие темы, как нефть, ядерные отходы и оружие, президентские выборы, а еще политические скандалы на сексуальной почве. Он никогда не разочаровывал клиентов. Ему можно было позвонить в любое время дня и ночи – он был доступен всегда. Если его спрашивали: «Ты слышал о таком-то скандале?» или «У тебя есть данные по такому-то человеку?», он тотчас же отвечал: «Да, через десять минут вышлю вам справку». Благодаря ему многие люди выиграли свои сражения. Одни – мелкие, другие – крупные. Так незаметно шли годы.

Это продолжалось до тех пор, пока однажды утром, придя в офис, Джордж не понял, что не помнит название статьи, прочитанной по дороге. Он сделал множество телефонных звонков, не сумев сделать ни одного связного анализа. Его собеседники не заметили охватившей его растерянности, но с этого момента в нем поселилось сомнение. Вечером, когда он был вынужден признать, что не способен сосредоточиться, он почувствовал, как перед ним вырос психологический барьер, и на него тотчас накатила целый рой черных мыслей. Он немедленно позвонил своему доктору. Диагноз удивил его: переутомление. Истощение сил. Единственное лекарство: отдых. И предложение посетить специалиста по психологическим патологиям труда.

Это было два дня назад. Сейчас, сидя напротив этого специалиста, Джордж, как ему показалось, уловил в его глазах искорку сочувствия, которая ему очень не понравилась.

– Однако вы, кажется, еще способны рассуждать? – наконец заговорил доктор вновь.

– Да, кажется, но я не могу вспомнить днем то, что прочитал утром того же дня, а уж тем более провести анализ.

– То есть вас подводит краткосрочная память?

– Да. А главное, я не могу найти точки соприкосновения между двумя информациями.

– Вы чувствительны к шуму?

– Да, вот уже несколько дней я страдаю от головных болей.

Врач сменил позу в своем кресле.

– В каких образах проявляется невозможность, о которой вы говорите?

– Как это?

– Дайте мне образ. У вас ощущение, что вы оказались в лабиринте? Падаете в глубокий колодезь и не можете зацепиться за стенки?

– Я бы сказал, что это скорее барабан стиральной машины, включенный на полную мощность.

– Вам удастся устоять перед желанием посмотреть в ваш смартфон?

– Нет, это у меня уже на уровне рефлекса.

– Вы испытываете страх?

– Простите?

– Вы испытываете страх при чтении вашей электронной почты?

– Нет, – слабым голосом ответил он.

Однако доктор был прав. Джордж начинал испытывать тревогу при мысли о том, что надо читать письма, что надо обрабатывать информацию, полученную из них, чтобы не обмануть возлагаемые на него клиентами ожидания. Мир вращался вокруг него безостановочно, и он боялся, что от этого вращения потеряет все ориентиры. Он чувствовал, что больше не в состоянии выдерживать его ритм.

– За последние десять лет исследовательские институты много работали над патологиями, подобными вашей. Но результаты пока еще не применялись на практике.

– Я не понимаю. Вы знаете, что со мной?

– Это состояние получило название ИОС⁴.

– Что? Как мой айфон?

Доктор не удержался от улыбки:

– Нет, это не имеет никакого отношения к операционной системе продуктов «Эпл».

ИОС – Синдром информационной перегрузки.

– А это серьезно?

– Как сказать. Подобный синдром порой развивается у студентов в период экзаменационной сессии, но в меньшей степени и на короткий срок. Крупные компании обратили эту проблему в свою пользу; они предостерегают своих сотрудников о возможной опасности и тем самым проявляют заботу о них. Но вообще-то это серьезная проблема. Симптомы могут стать опасными с того момента, когда они затронут мозг. Боюсь, что в вашем случае избыточное количество информации, с которым вы имели дело в течение длительного периода, переутомило ваш мозг настолько, что вы прошли своего рода точку невозврата.

– Невозврата? – Джордж с трудом проглотил слюну.

– Вам придется к этому привыкнуть, мистер Ривлин. Вы не сможете вернуться к вашей прежней жизни, если будете просто больше спать и сидеть в одиночестве в темноте, ничего не делая. – Врач замолчал, давая пациенту время переварить полученную информацию. – У вас есть знакомые за границей?

– Да. В общем, деловые знакомства.

– Нет, вам необходим резкий и полный разрыв с прошлым. Полная смена обстановки.

– У меня есть знакомая, которая уехала куда-то в чашу канадских лесов.

– Великолпно. Забудьте ваш цивилизованный урбанизированный мир, ваш образ мысли. Вам будет трудно это принять, но вы должны стать другим человеком.

– А как быть с работой?

– Смените ее. У вас наверняка имеются сбережения. Не знаю, сколько времени вам потребуется для того, чтобы прийти в себя. Если это вообще произойдет. Не хочу вас пугать, но каждый день, который вы проживаете в Нью-Йорке, вы играете с вашим психическим здоровьем.

Домой Джордж вернулся пешком. Поначалу он воспринял слова врача болезненно, но тот разговор разбудил в нем давно и далеко спрятанные мысли. Подростковые мечты, с которыми, как он считал, он расстался навсегда. Фактически он чувствовал, что у него не осталось выбора. Или уехать, или медленно умирать здесь.

Наконец он решил бежать из знакомого ему мира. В тот момент он еще не считал эту новую болезнь вторым шансом. Он обзвонил всех своих клиентов, перенаправил их к своим коллегам, перевел все свои деньги на один счет, купил билет до Сиднея, где у него действительно не было ни одного знакомого, побросал в рюкзак кое-какие вещи и ушел из квартиры, оставив свой выключенный мобильник на ночном столике.

Австралийский буш.

Безмятежная тишина

Придя к ручью, Джордж положил свои туалетные принадлежности на поваленный сухой ствол и стал умываться, но тут же остановился. Какая-то странная примесь придавала воде зеленоватый оттенок, и для ее фильтрации его системы очистки оказалось недостаточно. Сильные дожди могут замутить воду настолько, что она приобретает неприятный цвет, но за последние дни не упало ни единой капли дождя.

⁴ IOS – Information Overload Syndrom.

Заинтригованный, Джордж прошел несколько сотен метров вверх по течению и нашел причину. Кто-то выбросил в воду мусор: несколько пластиковых мешков и бидонов из-под машинного масла. Некоторые из них плавали на поверхности, другие ушли на дно. Он не мог прийти в себя. Кто позволил себе загрязнять его воду? Вот уже год Джордж не встречал поблизости ни одного человека. Разве что несколько машин проехали, но их водители ни за что на свете не захотели бы остановиться на этой ничейной полосе. Он направился на север по течению ручья, который взбирался по склону невысокого холма. Примерно через километр он заметил, что у деревьев обломаны ветки, как если бы здесь прокладывал себе дорогу крупных размеров автомобиль или трактор. Два года одиночества сделали его нетерпимым к любому постороннему присутствию. Окружающая местность была для него священной. Не слишком обрадованный возможностью встретиться нос к носу с чужаками, он побежал к себе и вооружился ножом.

Затем он вернулся на прежнее место и углубился в узкий каньон, в котором еще ни разу не бывал. После сорока пяти минут ходьбы он вышел в долину, а когда поднялся на холм, увидел внизу какое-то поместье. Кто мог жить выше по течению ручья? Комплекс зданий образовывал букву «U», окруженную деревянным забором высотой минимум пять метров. В центре располагался десяток бетонных кубов с открытым верхом. Совершенно одинаковые, немного углубленные в землю, они не были похожи ни на резервуары для воды, ни на хранилища для силоса... Заинтригованный, Джордж начал медленно спускаться с холма, скрываясь за стволами деревьев, чтобы не быть замеченным. Внезапно перед ним выросли двое мужчин. Оба они были выше его минимум на голову.

– Извините, господа, – настороженно заговорил он. – Вы живете здесь?

Оба типа, одетые во все черное, смотрели на него, игнорируя вопрос.

– Это частное владение. Вам лучше повернуть назад, – сухо произнес один, прятая глаза за черными очками.

Его руки были начеку.

– Простите?

– Смотрите в другую сторону.

Джордж был насторожен и ни за что не хотел терять их из виду. Мышцы его напряглись, нож был под рукой, он был готов к любому развитию событий. Жизнь в одиночестве развила у него острое чувство опасности, пусть даже район был относительно спокоен.

– В ту, откуда вы пришли. Мне это кажется правильным направлением для вас, – пояснил его собеседник.

Джордж отказался уступать. Он вспомнил про отравленную воду. Неужели он смирится с риском лишиться источника своей независимости. Он попытался пренебречь запретом и продолжить спуск. Двое охранников помешали ему. Один положил руку на плечо Джорджа и резко схватил его за майку. Второй приподнял край своей куртки, показав висящий на ремне короткий автомат.

– Да кто здесь живет, черт возьми? И почему вы загрязняете воду в речке? – крикнул он, сбросив с плеча чужую руку.

– Ничего мы не загрязняли. А теперь убирайтесь отсюда.

Джордж не собирался удовлетворяться этим ответом. Он пошел обратно, чувствуя спиной взгляды охранников. Когда он обернулся, чтобы проверить, остались ли они на месте, раздался предупредительный выстрел, заставивший его взять ноги в руки. Пробежав по узкому каньону, приведшему его к окрестностям его дома, он остановился, ища какой-то тревожный признак, говорящий о постороннем вторжении, но ничего такого не заметил.

Весь в поту, он ополоснулся холодной водой. Не в состоянии оставаться на месте, он кружился вокруг стола в единственной комнате, постоянно выглядывая в окна, чтобы заметить, если к дому будут подходить чужие. В его мозгу все перемешалось; образы бега, разговор

с двумя вооруженными незнакомцами, гипотезы относительно причин их присутствия здесь; Джордж больше себя не контролировал. Он был сильно возбужден, ничто не могло его успокоить. Внезапно все признаки показались ему очевидными, но через несколько минут он мог бы рассказать эту историю всего в двух словах: я встретил странных людей в новом поместье. Неприятное ощущение возникло у него как от страха, так и просто от появления этих чужаков так близко от него. На этих бескрайних просторах десять – двенадцать километров – это совсем рядом.

*Лондон. Редакция «Морнинг трибюн».
Стопки разных папок с досье. Непрерывно
звонят телефоны*

Несмотря на то что здание, где размещалась редакция, стояло в центре Лондона, оно не привлекало к себе внимания прохожих: стены из красного кирпича, унылые шторы на окнах. Никто из проходящих мимо даже не догадывался, что за этим фасадом находятся помещения крупной ежедневной газеты. Статьи, регулярно поднимавшие шум, писались в зажатом между редакцией иллюстрированного журнала и бухгалтерией опенспейсе. В Лондоне говорили, что тема дня задается утренним выпуском «Морнинг трибюн». Так оценивалась отличная работа в области журналистских расследований, а также чутье на скандальные истории, отличавшие сотрудников этой газеты, обычно опережавших своих конкурентов. Для этого журналистам приходилось действовать нагло и бесцеремонно, с единственной целью раскопать горячую тему, благодаря которой резко подскакивали продажи и, как следствие, тиражи.

В отличие от многих своих коллег, работающих дома, Энди Вуд большую часть времени, когда не работал «в поле», проводил в редакции газеты. Он любил свой офис, кавардак на столе – содержащие массу информации кучи бумаг, журналов, стикеров с заметками, записные книжки. Ему нравилась сама атмосфера редакции, непрерывно звонящие телефоны, снующие туда-сюда журналисты, боящиеся пропустить важный звонок и не получить информацию, которая может стать сенсацией. Его мысли были сосредоточены на том, что произошло утром; выходя из суда, он не мог не ликовать. Ему доставило огромное удовольствие видеть, как Клара Капланд уходит посрамленной! Журналист рассматривал свою профессию как противовес всемогуществу полиции и секретности спецслужб, которые в совокупности защищали интересы политиков. Он знал, что реальность не так проста, что в ней имеется много нюансов, но верность принципу позволяла ему не стесняться в выборе средств, когда речь шла о возможности устроить очередной скандал.

Клара Капланд совершила ошибку, атаковав одного из его осведомителей, при том что он, как и любой его коллега в Великобритании, очень дорожил сохранением имени источника в секрете. Она попыталась поймать в ловушку его самого, отслеживая его деятельность в Интернете и шпионя за его электронной почтой. Хотя с течением лет Энди стал тонким знатоком социальных сетей, информатика оставалась для него сферой, сохраняющей многие тайны, в том числе способность некоторых индивидов проникать путем взлома в ваш компьютер. Он быстро усвоил привычку пользоваться «Твиттером» – штукой, которая изменила лицо журналистики. Отныне неиспользование «Твиттера» граничило с непрофессионализмом. Люди уже не звонят в газету, чтобы сообщить информацию, они пользуются социальными сетями, чтобы известить своих близких и широкую публику обо всем, что с ними случилось. Им Энди Вуд, между прочим, был обязан своей последней статьей – о захвате заложников на «Фейсбуке».

Хэштег #albanin быстро стал предметом сначала десятков, потом сотен твитов. Независимо от самого события, Энди Вуд чувствовал, что напряжение растет как никогда. Слухи разрастались, заполняя Всемирную паутину: социальные сети, блоги, форумы – скоро весь Интернет будет говорить только об этом.

Босс попросил его представить подробный отчет о ходе его расследования, прежде чем принять решение о том, какое внимание следует уделить данной истории.

– Энди, я не хочу, чтобы ты писал статью про это только потому, что тема подняла бучу на «Фейсбуке» и в «Твиттере». Да, я не принадлежу к этому поколению, но я все-таки знаю, что журналистика становится интересной, когда вызывает интерес толпы, а не когда плетется у нее в хвосте. Сегодня мы столкнулись с событиями, которые застали нас врасплох из-за прямого доступа широкой публики к информации. Девчонка кончает с собой в прямом эфире перед веб-камерой, серийный убийца-людоед снимает фильм о своих похождениях. А у меня такое ощущение, что мы все время отстаем.

– Это совсем другое дело, поверьте мне, – возразил Энди. – Это не просто сплетни в социальных сетях. Мне известно из надежного источника, что ЦПС получил специальный приказ расследовать эту историю. Это показательно. Если они занимаются делом, несмотря на то что завалены работой, это неспроста. Другие газеты тоже разрабатывают тему.

– Рассчитываешь раскопать мне сенсацию? Мне не интересно, если ты потратишь время и напишешь то же самое, что другие.

– Согласен. Пока что сведения – настоящие и ложные – переплетаются, и никто не может разобраться, где граница. Персонаж, захвативший заложников, ведет игру с полицией и с нами через «Фейсбук». Страх распространяется в геометрической прогрессии, а мы вынуждены сидеть и наблюдать. Но у меня имеется одна идея. Есть возможность использовать эту историю с максимальной выгодой для нас.

– А ЦПС? Они будут за тобой присматривать.

– Нам это только на руку. Я выиграл процесс против их сотрудника. Я знаю, что они станут за мной следить, но ничего особенного предпринять не смогут. Если они выйдут за рамки, установленные законом, мы устроим еще один скандал: «Полиция нарушает судебное решение», «Спецслужбы покушаются на свободу прессы». Я уже сейчас вижу заголовки!

Его энтузиазм в конце концов убедил шефа.

– Согласен. Но убедись в том, что речь идет не о шутке. Я видел видео, оно вполне может оказаться студенческим розыгрышем. Я уже вышел из возраста, когда бегают за кошельком на веревочке. Даю тебе сорок восемь часов. Там посмотрим.

– Спасибо.

Энди понимал, что, невзирая на победу в деле Клары Капланд, вполне мог оказаться задвинутым, что называется, в шкаф – не всякому главному редактору понравится судиться с полицией и спецслужбами.

– Не забывай, что ребята с нижнего этажа попытаются перехватить наши данные для своего журнала. Не дай себя поиметь, как в прошлый раз. Да, мы входим в одну издательскую группу, но на информационном поле мы с ними конкуренты.

После беседы с шефом Энди вышел с сильной, как никогда, мотивацией. Он рассмотрел все возможные пути и варианты. На экране компьютера друзья заложников распространяли информацию. Видео, выложенное на Ютубе и Дейлимоушен, набрало более 150 000 просмотров за несколько часов. На «Фейсбуке» днем неким Томом Лоутоном была создана группа «Узнать больше об Альбане М.». Энди отправил ему сообщение. Ему хотелось знать, не связан ли этот Том так или иначе с происходящим. Также он написал несколько слов тому, кто управлял профилем Альбана М. Ответ пришел почти мгновенно: «Наберитесь терпения. Вы, как и все остальные, получите информацию в свое время».

Партия обещала быть трудной.

Сидя за рабочим столом, Энди чувствовал, как увеличивается напряжение: если он прав и данное событие приобретет беспрецедентный размах, он наступил на мину. Или она его вознесет, или разнесет на куски.

***Безлунная ночь. Непроглядная темнота.
Холодный бетонный куб***

В одну из бесчисленных бессонных ночей, сидя на кровати, прислонившись спиной к стене, Колин вдруг понял, что с самого начала никто не собирался его убивать. Иначе его не стали бы держать в этом строгом заключении, а попросту прикончили бы. Тот факт, что он еще жив, означает, что его жизнь представляет некую ценность в глазах тех, кто его удерживает. Это был его единственный козырь. Если они хотят сохранить ему жизнь, им придется прийти к нему.

Голодовка. Колин вспомнил репортаж, посвященный этой теме. В нем говорилось, что первые необратимые последствия появляются только через три недели. Если он всегда считал данную форму борьбы благородной, хотя и свидетельствующей об отчаянии, прибегнуть к ней самому было совсем другое дело. Наибольшим риском было то, что он мог потерять остроту ощущений и не понять, что с ним произойдет. Колин перебрал в памяти образы, создававшие у него ощущение благополучия и покоя, которые он мог вызывать в трудные моменты, и постарался как можно лучше их зафиксировать. Потом принял решение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.